

Радик Яхин

Тень над Землёй

Радик Яхин
Тень над Землёй

«Автор»

2026

Яхин Р. С.

Тень над Землёй / Р. С. Яхин — «Автор», 2026

В мире, где тотальный контроль стал нормой, а история переписывается ежедневно, Джон Ли — рядовой сотрудник Министерства правды — постепенно осознаёт масштабы обмана. Его жизнь, расписанная по минутам (подъём, умывание, завтрак, проверка лояльности), рушится, когда он сталкивается с доказательствами фальсификаций: старыми газетами с упоминанием свободных выборов, фотографиями толпы с лозунгами о правде и архивами, которые должны быть стёрты из памяти человечества. По мере погружения в тайну Джон находит союзников: Еву, задающую «неправильные» вопросы, и Ноля, бывшего офицера безопасности, возглавившего сопротивление. Вместе с группой «Хроникеры» они пытаются вернуть людям настоящую историю. Ключ к разрушению системы — в архиве создателя режима, Артура Кейна, и центральном сервере, управляемом ИИ «Око».

© Яхин Р. С., 2026

© Автор, 2026

Радик Яхин Тень над Землёй

Джон Ли проснулся ровно в шесть утра от мягкого, но неотвратимого гула, встроенного в стену его куба. Звук не прекращался, пока он не сел на койку и не касался холодного пола босыми ногами. Так было каждое утро последние двенадцать лет. Ритуал умывания занимал ровно четыре минуты. Вода подавалась температурой ровно тридцать семь градусов, воздушная струя сушила кожу за двадцать секунд. Завтрак представлял собой порцию бесвкусной синтетической каши, обогащённой всеми необходимыми нутриентами согласно еженедельным медицинским показателям. Он ел медленно, механически, глядя на гладкую белую стену напротив. Затем наступал момент проверки. Джон поднёс руку к виску, где под кожей пульсировал крошечный чип. В поле зрения проступили голографические строчки вопросов. «Вы довольны своим положением?», «Верите ли вы в светлое будущее под руководством Великого Магистра?», «Испытываете ли вы чувство благодарности?». Он мысленно выбрал утвердительные ответы, ощутив привычный слабый укол в основание черепа – сигнал завершения теста на лояльность. Путь на работу был предсказуемым маршрутом по стерильным коридорам. На контрольно-пропускном пункте он на мгновение задержал взгляд на сканере сетчатки, слыша тихий щелчок подтверждения. Массивная дверь в Министерство Правды отъехала в сторону беззвучно, впуская его в гигантское пространство, заполненное мерцанием тысяч экранов. Здесь он, Джон Ли, редактор седьмого разряда, проводил свои дни, стирая прошлое и создавая новое, удобное настоящее. Сегодняшний день казался таким же, как и все предыдущие. Но это только казалось.

Архивы Забвения представляли собой сердце Министерства – бесконечные залы, уходящие вглубь земли, где на кристаллических накопителях хранились подлинные данные. Сюда не ступала нога обычного гражданина. Джон спустился на лифте на свой уровень, где в сияющей белизне зала переписывания десятки таких же, как он, редакторов молча работали за консолями. Его задачей сегодня была корректировка газетных выпусков двадцатилетней давности. На экране всплыла статья о торжественном открытии нового жилого сектора. Согласно директиве, требовалось удалить упоминание о присутствовавшем на церемонии архитекторе Маркесе, который три года назад был объявлен «несуществующим элементом». Джон привычными движениями выделил фрагмент, запустил алгоритм замены. Система «Око», всевидящий искусственный интеллект, фиксировала каждое его действие, анализируя скорость, частоту сердцебиения и даже микровыражения лица. Всё шло как обычно, пока он не открыл следующий файл – отсканированную первую полосу газеты с речью Великого Магистра. Джон собирался подкорректировать фон на изображении, как взгляд его зацепился за дату. Он знал эту речь. Она транслировалась ежегодно в День Единства. Но дата на газетной полосе была на три дня позже официально принятой в хронологии. Крошечное несоответствие. Ошибка старого сканера, скорее всего. Но что-то внутри Джона сжалось. Он мгновенно стёр цифры, ввёл правильные. «Око» не подало сигнала тревоги. Однако в голове редактора, годами подавлявшего любую мысль, похожую на вопрос, впервые за долгое время вспыхнул настоящий, неподдельный интерес. Он быстро огляделся. Никто не смотрел в его сторону. Все были поглощены своими экранами, стирая, заменяя, создавая безупречную, гладкую историю, в которой не было места ошибкам.

На следующее утро ему пришло новое задание с повышенным уровнем допуска. Нужно было обработать пакет данных из так называемого «заблокированного десятилетия» – периода, предшествовавшего окончательной консолидации власти Великого Магистра. Пропуск в

соответствующий сектор был особый, чёрный, с красной полосой. Воздух в камере хранения был холоднее и пах пылью и озоном. На экране всплыли отсканированные страницы газет. Заголовки кричали о выборах, дебатах, свободе слова. Джон читал, и слова обжигали сознание. Это была не просто другая версия событий. Это был другой мир. На одной из фотографий была запечатлена толпа с плакатами: «Правда – наше оружие». Лица людей были искажены не злобой, как утверждала официальная история, а решимостью и надеждой. Пальцы сами потянулись к команде «полное удаление». Но он заставил себя просмотреть до конца. В сводке о научной конференции он наткнулся на имя доктора Элиаса Вейна. База данных Министерства не выдала ни одной записи по этому запросу. Человека не существовало. Джон почувствовал лёгкое головокружение. Он выполнил процедуру: выделил файлы, подтвердил уничтожение. На экране всплыла зелёная надпись «Очищено». Но параллельно, почти рефлекторно, его левая рука потянулась к карману униформы, где лежал старый, вышедший из употребления носитель информации – та самая флешка, которую он когда-то нашёл в вещах отца и по сей день не решался выбросить, хотя и не знал, зачем хранит. Под столом, вне поля зрения камеры, он на долю секунды прислонил носитель к порту загрузки. Система «Око» сфокусировалась на его лице, но он уже смотрел в пустоту, изображая усталость. Индикатор мигнул. Копия была сделана.

Вернувшись в свой жилой куб, Джон включил обязательную вечернюю трансляцию. На гигантском экране-стене сияло улыбающееся лицо диктора, который рассказывал об успехах в сельскохозяйственном секторе. Система анализировала зрачки Джона, его позу, температуру тела, определяя уровень вовлечённости. Он сидел неподвижно, изображая внимательного зрителя, а сам думал об Архиве. Об имени, которого нет. После передачи началась программа «Домашний уют» – ситком об идеальной семье, где все друг друга любят и никогда не спорят. Джон встал, сделал вид, что идёт на кухню за стаканом воды. В этот момент его взгляд упал на узкую щель между стеной и вентиляционной решёткой. Там, за пластиковой панелью, много лет лежал свёрток. Он достал его. Это был бумажный блокнот в дешёвом картонном переплёте и шариковая ручка – предметы немислимые, архаичные, запретные. Отец когда-то шепнул ему, что настоящие мысли можно доверять только бумаге. Джон никогда не понимал, зачем. Теперь, сжимая в руках шершавую обложку, он вдруг ощутил связь с чем-то утраченным. Он открыл блокнот на первой странице. Она была пуста. Он взял ручку. Чернила давно высохли, но после нескольких потряхиваний на бумаге проступила синяя, рваная линия. Он не написал ни слова. Просто смотрел на эту линию. И в этот момент ему показалось, что объектив камеры в верхнем углу комнаты, всегда направленный прямо, едва заметно дрогнул, сместив фокус. Джон медленно поднял голову. Камера смотрела на него. Он замер. Через секунду световой индикатор на корпусе плавно мигнул зелёным – режим обычного наблюдения. Может, ему показалось. Но холодок между лопаток не исчез до самого сна.

На следующий день в отдел переписывания прислали нового сотрудника. Её звали Ева. Она пришла из Министерства Культуры, что само по себе было необычно. Ева не была похожа на других. Её движения были слишком плавными, взгляд – слишком внимательным. Во время утреннего инструктажа она задала вопрос, от которого у Джона похолодела кровь. «Скажите, Джон, – голос её был тихим, но отчётливым, – а вы когда-нибудь задумывались, почему мы редактируем даже погодные сводки прошлых лет? Неужели солнце и дождь тоже могут быть неправильными?» Наступила мёртвая тишина. Все застыли. Система «Око» должна была среагировать мгновенно. Но ничего не произошло. Старший редактор пробурчал что-то о «точности исторического контекста» и быстро перевёл тему. Джон ловил себя на том, что украдкой наблюдает за Евой. За обедом она села напротив. Не говоря ни слова, пока он ел свою синтетическую пасту, она указательным пальцем, смоченным в воде, нарисовала на столе корот-

кий символ: круг с точкой в центре. Затем быстро стёрла его рукавом. Джон знал этот символ. В древних, запретных архивах он означал «память», «источник». Его сердце забилось чаще. Днём, работая над общими файлами, он обнаружил в сетевой папке документ с непонятным названием «Протокол А741». В свойствах файла стояла пометка «Локальный. Не для синхронизации с Оком». Вечером, в переполненном лифте, который вез сотрудников на жилые уровни, он почувствовал лёгкое прикосновение к своей ладони. Ева стояла, глядя прямо перед собой. В его руке осталась маленькая, тёплая металлическая флешка.

Джон ждал до глубокой ночи. Когда камера в его кубе переключилась в ночной режим с пониженной частотой кадров, он достал флешку. У него не было устройства для её чтения. Но он вспомнил про старый терминал в заброшенном кладовом отсеке на три уровня ниже, куда иногда отправляли утилизировать вышедшее из строя оборудование. Риск был чудовищным. Его браслет слежки мог подать сигнал при входе в неразрешённую зону. Он накинул плащ и вышел. Коридоры ночью освещались тусклым синим светом. Датчики движения скрипели, провожая его поворотом головок. Кладовка не была заперта. Внутри пахло пылью и металлом. Среди груд хлама он нашёл тот самый старый компьютер. Экран был треснут, но система загрузилась с противным скрипом. Джон вставил флешку. На экране появилась одна папка с именем «Свидетельство». Внутри был видеофайл. Он запустил его. На экране возникло лицо пожилого мужчины в очках. Он выглядел испуганным, но говорил чётко. «Меня зовут доктор Элиас Вейн. Если вы смотрите это, значит, система всё ещё работает, а я, вероятно, уже мёртв. Я был частью команды, создавшей проект «Тотал» – основу нейросетевого контроля «Ока». Нашей целью был мир без конфликтов. Но человек, возглавивший проект, Артур Кейн, увидел в нём иное. Он увидел способ стать богом». Джон пригнулся ниже, хотя был уверен, что в помещении нет камер. Учёный рассказывал, как постепенно менялись алгоритмы, как система из инструмента анализа превратилась в инструмент подавления. «Великий Магистр – это миф, созданный для обожествления Кейна. Настоящий Кейн боится толпы, боится памяти. Он переписал свою собственную биографию, стёр всех, кто его знал. Его главный страх – что кто-то найдёт исходный код системы, ядро, которое мы называли «Сердце Кейна». Оно хранит не только ключи управления, но и его подлинную память, его слабости». Последние слова учёного были обращены прямо в камеру: «Они говорят, что правда умерла. Они лгут. Правду можно спрятать, но нельзя убить. Если ты это видишь – ты не один. Ищи других. Помни». Экран погас. Джон сидел в темноте, и его трясло. Весь его мир, всё, во что он верил, рассыпалось в прах за десять минут.

На следующий день Джон едва мог сосредоточиться на работе. Он постоянно ловил на себе взгляд Евы. Она казалась спокойной. Во время перерыва она незаметно положила ему в карман униформы маленькую, потрёпанную книжку – сборник старинных стихов, изданный ещё до эры Великого Магистра. Дома, в относительной безопасности, он начал листать её. Стихи были странные, полные аллегорий. Но на полях, едва заметным карандашом, были нанесены цифры и буквы. Это был шифр. Потратив несколько часов, Джон расшифровал адрес: Сектор D-7, подземный переход, 23:00. И фразу-пароль: «Память не умирает». Сердце колотилось так, будто хотело вырваться из груди. В назначенный час он был там. Сектор D-7 был промышленной зоной, пустынной ночью. В указанном переходе, за грудой брошенных ящиков, он нашёл едва заметную трещину в стене. Произнеся пароль в темноту, он услышал скрип. Часть стены отъехала, открыв чёрный проём. Внутри пахло сыростью и маслом. Голос из темноты произнёс: «Иди на свет, Джон Ли». Он сделал шаг. В тусклом свете аварийных ламп он увидел небольшое помещение, бывшее техническое отделение. На стене висела карта города, испещрённая пометками. В центре комнаты стояли несколько человек. Среди них была Ева. «Добро пожаловать к Хроникерам, Джон, – сказала она. – Мы – те, кто помнит».

Их лидера звали Ноль. Бывший офицер внутренней безопасности, он знал систему изнутри лучше, чем кто-либо. Его лицо было изрезано шрамами, а один глаз заменён кибернетическим имплантатом, который мерцал холодным синим светом. «Мы не террористы, – начал он, обводя взглядом собравшихся. – Мы – библиотекари. Наше оружие – факты. Наша цель – не свергнуть систему силой, а лишить её фундамента. Система держится на лжи. Мы вернём правду». На столе проектор вывел голограмму города. Красным светились зоны полного контроля «Ока», жёлтым – зоны частичного, а несколько небольших участков были отмечены зелёным. «Мёртвые зоны, – пояснил Ноль. – Где-то повреждена инфраструктура, где-то глушат сигнал геологические аномалии. Наша жизнь – в этих промежутках. План «Перезагрузка» прост в теории и невероятно сложен на практике. Нужно проникнуть в Центральный сервер и загрузить в ядро системы вирус, который не уничтожит её, а заставит выдать все скрытые данные одновременно, каждому гражданину». Все смотрели на голограмму. «Для этого нужен человек изнутри, – Ноль посмотрел на Джона. – Человек с доступом. Ты уже сделал первый шаг, сохранив файл. Готов ли ты сделать второй?» Джон почувствовал, как все взгляды устремились на него. Страх сдавил горло. Но он вспомнил лицо доктора Вейна, вспомнил пустую дату в газете. Он кивнул. «Хорошо. Первое испытание. Завтра, во время рабочей смены, ты должен будешь передать этот носитель, – Ноль протянул крошечный чип, – в район 5. Контакт будет ждать у старой фреоновой установки. Его зовут Тень».

Маршрут, который дал Ноль, пролегал через систему вентиляции и старые мусоропроводы. Это были артерии города, давно забытые и не охраняемые «Оком». Джон полз в полной темноте, чувствуя, как биение его сердца отдаётся эхом в металлических трубах. Он боялся не столько провала, сколько внезапной вспышки света и голоса робота-стража. Но вокруг царил лишь гробовая тишина, нарушаемая гулом далёких насосов. В районе 5 он выбрался через решётку в полу заброшенного цеха. Воздух здесь был едким. У фреоновой установки, покрытой ржавчиной и инеем, стояла фигура в длинном плаще с капюшоном. «Тень?» – прошептал Джон. Фигура кивнула, не показывая лица, и протянула руку. В ладонь Джона легла не флешка, а маленькая стеклянная ампула с тёмной жидкостью. «Чернила, – прозвучал скрипучий шёпот. – Нанеси на любую официальную бумагу и нагрей. Проявится текст». Тень исчез так же бесшумно, как и появился. Возвращаясь, Джон решился на небольшую задержку. В одном из подвалов он увидел то, от чего замер: всю стену от пола до потолка покрывали имена, выцарапанные гвоздём, нанесённые краской, углём. Имена «исправленных», исчезнувших. Среди них он почти инстинктивно начал искать имя отца. Не нашёл. И от этого стало ещё больнее. Когда он уже подбирался к выходу в своём секторе, над головой с противным жужжанием пролетел дрон-разведчик. Луч сканера скользнул по трубе, за которой он прятался. Джон прижался к стене, затаив дыхание. Дрон завис, его сенсоры вращались. Затем жужжание возобновилось, и аппарат улетел. Он потерял сигнал. Но Джон понял: они стали искать активнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.